

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БСЭВМ

Э. Р. БЕРРОУЗ

МАРСИАНСКИЕ
РЫЦАРИ

Эдгар Райс Берроуз
Тувия, дева Марса
Серия «Марсианин Джон Картер», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125546
Марсианские рыцари: АГРА-ИНРЕЗЕРВ; 1993
ISBN 5-87994-005-5

Содержание

1. Оскорбление	4
2. Рабство	10
3. Предательство	16
4. Пленница зеленого человека	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эдгар Берроуз

Тувия, дева Марса

1. Оскорбление

На массивной скамье из полированного эрепта, под пышными цветами гигантской пималии сидела женщина. Ее красивой формы нога, обутая в сандалию, нетерпеливо постукивала по усыпанной драгоценными камнями тропинке, которая вилась между величественными деревьями сорапуса, через алые газоны королевских садов Туван Дина, джедака Птарса, в то время как темноволосый, краснокожий воин, склонившись над ней, шептал пыльные слова признаний.

– О Тувия из Птарса! – воскликнул он. – Ты остаешься холодной даже к пылким порывам моей любви! Твое сердце тверже и холоднее, чем эрепт, из которого сделана трижды счастливая скамья, на которой сидишь ты, божественная и неуязвимая. Скажи мне, о Тувия из Птарса, что я могу еще надеяться. Хотя ты не любишь меня сейчас, но настанет день, моя принцесса, я...

Девушка вскочила со скамьи с восклицанием удивления и негодования. Ее головка надменно поднялась над гладкими красными плечами, глаза гневно смотрели в глаза мужчины.

– Ты забываешься и пренебрегаешь обычаями Барсума, Асток, – сказала она. – Я не давала тебе никакого повода обращаться так к дочери Туван Дина, и ты не завоевал такого права.

Мужчина внезапно наклонился вперед и схватил ее за руку.

– Ты будешь моей принцессой! – воскликнул он. – Будешь! Никто и ничто не помешает осуществить желание моего сердца. Скажи мне, что есть другой, и я вырву его подлое сердце и брошу диким калотам на дне высохшего моря!

От прикосновения мужской руки девушка побледнела, так как женщины королевского двора на Марсе считаются почти неприкосновенными.

Поступок Астока, принца Дузара, был оскорблением этого обычая. В глазах Тувии из Птарса не было ужаса – только страх за последствия этого.

– Оставь меня! – повторила она резко. – Иначе я позову стражу, а принц из Дузара знает, что это означает для него.

Он быстро обнял ее за плечи правой рукой, намереваясь поцеловать. С легким криком она ударила его в лицо массивными браслетами, обвивавшими ее свободную руку.

– Калот! – воскликнула она. – Стража! Спешите на защиту принцессы Птарса!

В ответ на ее призыв дюжина воинов кинулась, обгоняя друг друга, через алый газон, сверкая на солнце обнаженными мечами. Металл их снаряжения бряцал по кожаным доспехам, и зрелище насилия над принцессой исторгало у них крики мести и возмущения.

Но не пробежали они еще и половины пути через королевский сад, где Асток из Дузара все еще держал в своих объятиях сопротивляющуюся девушку, как другая фигура выскочила из плотной листвы кустов, частично скрывавших золотой фонтан. Это был высокий стройный юноша с черными волосами и пронзительными серыми глазами, широкий в плечах и узкий в бедрах, сильный воин. Его кожа имела лишь легкий медный оттенок, отличающий красных людей Марса от других рас, заселяющих умирающую планету, – он был похож на них, и все же существовала еле уловимая разница, и это было нечто большее, чем светлый цвет кожи и серые глаза.

Была разница в его движениях. Он двигался большими прыжками, и скорость движения воинов была ничтожна в сравнении со скоростью этого человека.

Асток все еще держал Тувия за талию, когда молодой человек предстал перед ним. Пришелец не терял времени зря, он произнес лишь одно слово: «Калот!», и его сжатый кулак опустился на подбородок противника, подняв его высоко в воздух и отбросив в самый центр цветущего куста пималии у скамейки из эрепта.

Защитник обернулся к девушке.

– Каор, Тувия из Птарса! – воскликнул он. – Кажется, судьба вовремя принесла меня сюда.

– Каор, Карторис из Гелиума, – ответила девушка на приветствие молодого человека, – что же еще можно ожидать от сына такого отца?

Он поклонился в знак признательности за похвалу, адресованную его отцу, Джону Картеру, военачальнику Марса. В этот момент к ним приблизилась запыхавшаяся стража, а принц из Дузара, у которого изо рта шла кровь, выполз из кустов пималии. Меч его валялся в стороне.

Асток бросился бы в смертный бой с сыном Деи Торис, но присутствие воинов удержало его, хотя было вполне очевидно, что ничто бы так не устроило и Карториса из Гелиума.

– Скажи только слово, Тувия из Птарса, – просил он, – и ничего не доставит мне большего удовольствия, чем наказание этого юноши, как он того заслуживает.

– Этого не должно случиться, Карторис, – ответила Тувия. – Даже если он и потерял право на мое уважение, он все же гость джедака, моего отца, и только ему одному он может ответить за непростительный поступок, который совершил.

– Пусть будет так, как ты скажешь, Тувия, – ответил гелиумец. – Но после этого Асток должен будет объясниться и с Карторисом, принцем Гелиума, так как он нанес публичное оскорбление дочери друга моего отца. – Когда он произносил эти слова, в глазах его горел огонь, который объяснял причину его заступничества за славную дочь Барсума. Лицо девушки потемнело под шелковистой и прозрачной кожей, и глаза Астока, принца Дузара, блеснули злостью, когда он понял все, что осталось недосказанным между этими двумя людьми в королевских садах джедака.

– Ты мне заплатишь за это, – резко произнес он, обращаясь к Карторису в ответ на его вызов.

Стража все еще окружала Астока.

Молодой человек, стоявший во главе караула, был в затруднительном положении. Арестованный был сыном могущественного джедака, он был почетным гостем Туван Дина – почетным гостем, которому оказывались все королевские почести. Арестовать его означало не что иное, как начало войны; и все же он совершил такое преступление, что в глазах воинов Птарса заслуживал смерти.

Молодой офицер колебался. Он посмотрел на свою принцессу. Она тоже пыталась оценить все, что зависело от настоящего момента. Многие годы Дузар и Птарс жили в мире. Их большие торговые корабли совершали рейсы между крупными городами этих наций. Даже сейчас высоко над золотым куполом дворца джедака девушка могла видеть огромное тело воздушного корабля, величественно плывшего по воздуху Барсума на пути от Дузара к Птарсу.

Одно только ее слово могло втянуть две могущественные нации в кровавое столкновение, которое могло лишить их многих храбрых сердец и неисчислимых богатств, оставив бессильными перед набегами завистливых и менее могущественных соседей, и в конце концов сделать добычей свирепых зеленых орд, пришедших со дна высохших морей.

Не страх повлиял на ее решение, так как он неведом детям Марса. Это было скорее чувство ответственности, которое дочь джедака несла за благополучие своего народа.

– Я звала тебя, Кавдор, – обратилась она к двару охраны, чтобы ты защитил свою принцессу и сохранил мир, который не должен быть нарушен в королевских садах джеджа. Это все. Ты будешь сопровождать меня во дворец, принц Карторис последует за нами.

Не взглянув на Астока и взяв предложенную Карторисом руку, она медленно направилась к массивному мраморному зданию, в котором размещался правитель Птарса и его блестящий двор. По обе стороны маршировали стражники. Таким образом, Тувия из Птарса нашла выход из затруднительного положения, избежав необходимости заключить гостя своего отца под стражу и в то же время разделяя двух принцев, готовых вцепиться друг другу в горло, оставь она их вдвоем.

У пималии стоял Асток, его темные глаза под сдвинутыми бровями сузились от ненависти, когда он наблюдал за удаляющимися фигурами женщины, вызывавшей в нем неистовую страсть, и мужчины, который, как он понял теперь, и был преградой между его любовью и ее удовлетворением.

Когда они исчезли в здании, Асток пожал плечами и, бормоча проклятия, направился через сад к другому крылу здания, где он размещался со своей свитой.

В этот вечер Асток попрощался с Туван Дином, и хотя никто не обмолвился о случившемся в саду, нетрудно было понять по холодной маске учтивости на лице джеджа, что только обычаи королевского гостеприимства удерживают его от выражения презрения, которое он испытывал к принцу Дузара.

Ни Карторис, ни Тувия не присутствовали на церемонии прощания. Натянута и формально исполнялись все требования придворного этикета, и когда последний член свиты принца Дузара перебрался через поручни боевого корабля, доставившего их во владения Птарса, и мощная машина разрушения медленно поднялась с посадочной площадки, чувство облегчения прозвучало в голосе Туван Дина, когда он повернулся к одному из офицеров со словами объяснения поступка этого чужестранца, которое не выходило у всех из головы уже несколько часов. Но был ли он чужестранцем?

– Сообщите принцу Совану наше желание вернуть флот, отправившийся в Каол этим утром для путешествия на запад от Птарса.

Когда военный корабль, на борту которого Асток возвращался во дворец своего отца, повернул на запад, Тувия из Птарса, сидевшая на той же скамейке, где принц Дузара оскорбил ее, наблюдала за мерцавшими огнями удаляющегося корабля. Около нее в блистающем свете ближней луны сидел Карторис. Его глаза были устремлены не на корпус еле видимого вдали корабля, а на профиль устремленного вверх лица девушки.

– Тувия, – произнес он.

Девушка перевела взгляд на него. Он протянул руку в надежде завладеть ее рукой, но она легко отстранила его.

– Тувия из Птарса! Я люблю тебя! – воскликнул молодой воин. – Скажи, что мои слова тебя не оскорбляют.

Она печально покачала головой.

– Любовь Карториса из Гелиума, – сказала она просто, – может быть только честью для любой из женщин, но ты не должен говорить этого, друг мой, ты не должен награждать меня тем, за что я не могу отплатить.

Молодой человек медленно поднялся. Его глаза широко раскрылись от удивления. Принцу Гелиума никогда не приходило в голову, что Тувия из Птарса может любить другого.

– Но в Кадабре и позже, здесь, во дворе твоего отца, что ты сделала, Тувия, чтобы дать мне понять, что не можешь ответить на мою любовь? – воскликнул он.

– А что я сделала, Карторис из Гелиума, – произнесла она в ответ, чтобы заставить тебя поверить в мою любовь?

Он замер на мгновение в раздумье, затем тряхнул головой.

– Ничего, Тувия, это правда, и все же я могу поклясться, что моя любовь к тебе близка к преклонению.

– Но как я могла догадаться об этом, Карторис? – спросила она простодушно. – Ты мне когда-нибудь говорил об этом? С твоих уст слетали хоть раз признания в любви?

– Но ты должна была знать об этом! – воскликнул он. – В сердечных делах я так же глуп, как и мой отец: я не знаю, как обращаться с женщиной; и все же драгоценные камни, разбросанные по дорожкам королевского сада, деревья, цветы, газоны – все видело любовь, наполнявшую мое сердце с той минуты, когда я впервые увидел твое прекрасное лицо и совершенные формы. Как же ты могла остаться слепой к моей любви?

– А разве в Гелиуме девушки ухаживают за молодыми людьми? – спросила Тувия.

– Ты смеешься надо мной? – воскликнул Карторис. – Скажи, что ты смеешься надо мной и что ты все же любишь меня, Тувия!

– Я не могу сказать тебе этого, Карторис, так как я обещана другому.

Она говорила ровным голосом, но кто может поручиться, что в нем не звучала безграничная печаль? Кто может сказать это?

– Обещана другому? – с трудом произнес Карторис. Его лицо стало почти белым, но затем он поднял голову, как и подобает тому, в чьих жилах течет кровь повелителя мира. – Карторис из Гелиума желает тебе счастья с человеком, которого ты избрала, – сказал он. – С... – И он замолчал в ожидании, когда она произнесет имя.

– Кулан Тит, джедак Каола, – ответила она. – Друг моего отца и самый могущественный союзник Пиапса.

Молодой человек посмотрел на нее внимательно, прежде чем заговорил опять.

– Ты любишь его? – спросил он.

– Я обещана ему, – просто ответила она. – Молодой человек больше ни на чем не настаивал.

– Он один из самых знатных людей Барсума и могущественный воин, друг моего отца и мой – если бы это был кто-нибудь другой, – пробормотал он почти ширепо.

То, о чем думала девушка, было скрыто от Карториса, и только легкая тень печали за него или за себя, а может, и за обоих вместе не исчезла с ее лица.

Карторис из Гелиума не спрашивал, хотя он и заметил это выражение. Он поднес к губам покрытый бриллиантами край великолепной одежды девушки.

– Счастье и слава Кулан Титу и бесценному бриллианту, который был дарован ему судьбой, – сказал он, и хотя голос его был хриплым, в нем звучала искренность. – Я сказал, что люблю тебя, Тувия, до того, как узнал, что ты обещана другому. Я не могу повторить этого, но, к счастью, ты уже знаешь, и в этом нет оскорбления ни для тебя, ни для Туван Дина, ни для меня. Моя любовь такова, что может распространиться и на Кулан Тита, если ты любишь его. – В последних словах его прозвучал вопрос.

– Я обещана ему, – ответила она.

Карторис медленно повернулся. Одну руку он положил на сердце, другую на эфес своей длинной шпаги.

– Они принадлежат тебе навсегда, – сказал он.

Через мгновение он уже вошел во дворец и скрылся из виду.

Если бы Карторис обернулся, он увидел бы, как Тувия стоит на коленях у скамьи из эрепта. Лицо она прятала в ладонях. Плакала ли она? Некому было проверить это.

Карторис из Гелиума в тот же день вошел в зал друга своего отца без предупреждения. Он прилетел один на маленьком быстроходном аппарате, уверенный в том, что найдет обычное гостеприимство, с каким его всегда встречали в Птарсе. Но поскольку не соблюдались формальности при прибытии, не соблюдались они и при входе во дворец.

Туван Дину он объяснил, что испытывает новое свое изобретение, которым был оборудован его летательный аппарат, – хитроумное улучшение обычного марсианского воздушного компаса, который, будучи направлен на определенное место назначения, будет вести корабль точно по указанному курсу; при этом необходимо только держать нос корабля всегда в направлении, которое указывает стрелка компаса, для того, чтобы достичь любой заданной точки на Барсуме в кратчайший срок и по кратчайшему маршруту.

Изобретение Карториса состояло из дополнительного прибора, направлявшего судно по компасу и, по прибытию в точку, на которую был направлен компас, останавливавшего и снижавшего судно автоматически.

– Ты без труда оценишь преимущества этого изобретения, – сказал он Туван Дину, который сопровождал его на посадочную площадку на крыше дворца, чтобы посмотреть работу компаса и попрощаться с молодым другом.

Дюжина офицеров с несколькими слугами личной охраны собрались около джедака и его гостя – нетерпеливые слушатели их разговора; один из слуг был настолько нетерпелив, что его господин дважды делал ему выговор за попытку прикоснуться к сложному механизму – чудесному компасу, контролирующему направление – как был назван этот прибор.

– Например, продолжал Карторис, – мне предстоит путешествие на всю ночь, как сегодня. Я устанавливаю указатель на правом циферблате, который контролирует и обеспечивает восточное полушарие Барсума таким образом, чтобы это соответствовало точной долготе и широте нужной точки. Затем завожу двигатель, заворачиваюсь в шелка и меха и с зажженными огнями лечу по направлению к Гелиуму, уверенный, что в назначенный час совершу мягкую посадку на площадке своего собственного дворца, буду ли я в это время спать или нет.

– При условии, что ты не столкнешься с таким же ночным путешественником, – сказал Туван Дин.

Карторис улыбнулся.

– Это не представляет опасности, – ответил он. – Посмотри сюда. – И он указал на прибор по правую сторону от «компаса направления». – Это мой «указатель преград» – так я его назвал. Прибор, который вы видите, поднимает и опускает корабль, он снабжен приводом к приборам и рычагам управления.

Прибор очень прост; это не что иное, как генератор, работающий на радиации и распространяющий радиоактивность во всех направлениях на расстояние в сотни ярдов от летящего судна. Если же эта окружающая судно оболочка из волн прерывается в каком-либо направлении, чувствительный датчик немедленно улавливает нарушение, передавая в то же время сигналы магнитному прибору, который, в свою очередь, приводит в действие механизм управления, отклоняющий корабль от преграды до тех пор, пока радиоактивная сфера корабля не уходит от соприкосновения с преградой; затем корабль ложится на свой курс. В том случае, если нарушение произойдет сзади, например при подходе быстро движущегося корабля, механизм приводит в действие прибор скорости и одновременно аппарат управления, судно набирает скорость и при этом снижается или поднимается, в зависимости от того, выше или ниже проходит курс движущегося за ним летательного аппарата.

В особо трудных случаях, когда встречается не одна, а много преград, или же если необходимо отклонить корабль от прямого движения больше чем на 45 градусов в любом направлении, или же корабль достиг места назначения и находится в сотне ярдов от поверхности, механизм останавливает корабль и в то же время дает громкий сигнал тревоги, который непременно разбудит пилота. Ты видишь, я предусмотрел все возможные случайности.

– Все, за исключением одной вещи, – сказал слуга.

Знатные люди Барсума удивленно посмотрели на него, и один довольно резко схватил парня за плечо с намерением поставить его на свое место. Карторис поднял руку.

– Подождите, – сказал он. – Давайте послушаем, что скажет этот человек. Ни одно из существующих творений смертного не совершенно. Возможно, он заметил недостаток, который можно устранить сейчас же. Подойди сюда, друг мой, и скажи, какие еще непредвиденные обстоятельства я не учел?

В то время как он говорил, он внимательно рассматривал слугу. Он увидел симпатичного человека, крепкого телосложения, как и все красные люди Барсума, но губы юноши были тонкими и выдавали жестокость, через щеку от правого виска до уголка рта проходил едва заметный белый шрам от удара мечом.

– Подойди сюда и говори! – приказал принц Гелиума.

Человек стоял в нерешительности. Было очевидно, что он сожалел о своей смелости, сделавшей его центром всеобщего внимания. Но, наконец, не видя другого выхода, он заговорил.

– Прибор может быть испорчен врагами, – произнес он.

Карторис достал маленький ключик из кожаной сумки.

– Посмотри на это, – сказал он и протянул его человеку. – Если ты разбираешься в замках, то поймешь, что механизм, открываемый этим ключом, не доступен даже самому хитрому мастеру. Он охраняет жизненно важные части аппарата от постороннего вмешательства. Без него врагу надо наполовину разрушить прибор, чтобы достичь его сердца, но тогда это будет заметно даже случайному наблюдателю.

Слуга взял ключ, внимательно осмотрел его, и когда возвращал, то уронил на мраморные плиты. В поисках он наступил на блестящий ключ. На мгновение он перенес весь свой вес на ту ногу, что закрывала ключ, затем отступил и с возгласом радости, наклонившись, поднял его и вернул Карторису. Затем отступил назад за знатных барсумцев, и был вскоре забыт.

Через некоторое время Карторис попрощался с Туван Дином, его свитой, и мерцающие огни его корабля поднялись в пустоту звездной марсианской ночи.

2. Рабство

Правитель Птарса, сопровождаемый своими придворными, спустился с посадочной площадки, находившейся на крыше дворца, слуги разошлись по своим комнатам, расположенным за комнатами придворных, но один из них замешкался. Наклонившись, он быстрым движением снял с правой ноги сандалию и украдкой опустил ее в сумку.

Когда группа придворных спустилась в нижние коридоры и джеддак подал знак всем разойтись, никто не заметил, что среди слуг не было того парня, который вызвал к себе такой интерес перед отъездом принца Гелиума.

Никто не подумал поинтересоваться, к чьей свите он принадлежит, так как у марсианских знатных людей много слуг, приходящих и уходящих по прихоти хозяина. Поэтому новое лицо не привлекло внимания, а уж тот факт, что человек попал в стены дворца, является доказательством его преданности джеддаку и это не подлежит сомнению. На Барсуме подвергается суровому экзамену каждый, кто желает служить придворным.

Это хорошее правило, и исключение делается только из-за этикета по отношению к придворным какой-нибудь особы из дружественной иностранной державы.

Поздним утром следующего дня слуга высокого роста в одеянии придворного дома великого Птарса прошел в город через дворцовые ворота. Он шагал широко и довольно быстро сначала по одной широкой улице, затем по другой до тех пор, пока не миновал район, населенный знатью, и не достиг района, в котором располагались магазины. Здесь он разыскал претенциозное здание, поднимавшееся, как шпиль, к небесам: стены его были украшены тонкой резной работой и сложной мозаикой.

Это был Дворец Мира, в котором размещались представители иностранных держав или же их посольства; министры же обитали в великолепных дворцах в районе, занимаемом знатью.

Человек отыскал посольство Дузара. Как только он вошел, служащий вопросительно посмотрел на того, кто пришел сказать несколько слов министру, и потребовал документы. Посетитель снял простой металлический браслет, находившийся выше локтя, и, указывая на подпись на его внутренней стороне, прошептал несколько слов служащему.

Глаза последнего удивленно расширились, и его отношение к пришельцу мгновенно изменилось. Указав незнакомцу место для отдыха, он поспешил во внутренние комнаты с браслетом в руках. Минутой позже он появился вновь и проводил чужестранца к министру.

Долгое время они совещались наедине, и когда наконец незнакомец высокого роста появился из внутренних апартаментов, на лице его появилась зловещая улыбка удовлетворения. Из Дворца Мира он поспешил во дворец министра Дузара.

Ночью два быстроходных корабля покинули площадку дворца. Один из них полным ходом направился в Гелиум, другой...

Тувия из Птарса перед сном как обычно, бродила по садам своего отца: это была ее хорошо известная привычка. Она была закутана в шелка и меха, так как после быстрого захода солнца воздух на Марсе становился холодным.

Мысли девушки были поглощены предстоящей свадьбой, после которой она станет джеддарой Каола, и молодым принцем Гелиума, недавно сложившим свое сердце к ее ногам. Было трудно сказать – раскаянием или жалостью омрачалось ее лицо, когда она смотрела на юг, где увидела огни скрывшегося прошлой ночью корабля.

Трудно было предположить и о чувствах, охвативших ее, когда она различила огни судна, как будто приводимого в движение силой ее воображения.

Она видела, как корабль сделал круг низко над дворцом, и поняла, что он снижается, готовясь к посадке.

Спустя некоторое время мощные лучи его прожектора внезапно вспыхнули на носу. Они осветили посадочную площадку, на короткое время обнаруживая фигуры охранников, превращая драгоценные камни их великолепной одежды в светящиеся огненные точки. Затем ярко горящий глаз пронесся по блестящим куполам и изящным минаретам, скользнул вниз по двору и паркам и остановился на скамье из эрепта и девушке, стоящей около нее и смотрящей на корабль.

На короткий миг прожектор остановился на Тувии из Птарса, затем погас так же внезапно, как и загорелся. Корабль пролетел над ней, чтобы опять появиться над рощей величественных деревьев, растущих в дворцовом саду.

Девушка некоторое время стояла в той же позе, только голова ее была наклонена и глаза опущены вниз в раздумье.

Кто это мог быть, как не Карторис? Она старалась вызвать в себе гнев по отношению к тому, что он вернулся и следил за ней, но, как оказалось, ей было трудно сердиться на принца из Гелиума.

Что за сумасшедшая причуда заставила его нарушить этикет наций? Из-за менее серьезных причин между великими державами разгорались войны.

Принцесса была возмущена и разгневана.

А охрана, что же она? Очевидно, стражники тоже были настолько удивлены беспрецедентными действиями пришельцев, что даже не окликнули их; что действия эти не пройдут безнаказанно, было понятно по шуму моторов на посадочной площадке и быстрому подъему в воздух длинной патрульной лодки.

Тувия наблюдала, как она устремилась на восток. За кораблем наблюдало много глаз.

В густой тени деревьев скила, на широкой аллее под раскинувшейся листвой, корабль висел в нескольких футах над землей. С его палубы острые глаза наблюдали за шарившим прожектором патрульной лодки. Ни один огонек не светился на скрывавшемся в тени воздушном нарушителе. На борту его царила гробовая тишина. Его экипаж, состоявший из полдюжины красных воинов, следил за огнями патрульной лодки, уменьшавшимися вдали.

– Да поможет нам ум наших предков, – произнес один из команды низким голосом.

– Ни один план не был задуман лучше, – ответил другой. – Они сделали все точно так, как предсказал принц.

Тот, кто говорил, повернулся к человеку, сидевшему на корточках перед пультом управления.

– Сейчас! – прошептал он. Других приказов не последовало. Каждый человек на борту явно был хорошо подготовлен к исполнению всех мелочей ночной работы. Бесшумно корабль продвигался среди темных молчаливых деревьев.

Тувия из Птарса, устремив взгляд на восток, увидела резко очерченное пятно на темном фоне деревьев, в то время как корабль перелетал через стену сада. Ей был виден корпус, несколько наклоненный к красным газонам сада.

Она знала, что люди эти прибыли с нечистыми намерениями, и все же не издала громкого крика, чтобы поднять тревогу среди расположенных поблизости стражников, не попыталась и скрыться в более безопасное место.

Почему же?

Я представляю, как она пожимает своими красивыми плечами и произносит, как произнесла бы старая женщина, традиционный ответ: «Потому что...»

Едва корабль коснулся земли, как четыре человека спрыгнули с палубы. Они побежали к девушке.

И даже это не заставило ее поднять тревогу; она стояла как загипнотизированная. Или ждала желанного гостя?

Она не шевельнулась, пока они не подошли совсем близко. Ближняя луна поднялась из-за окружающей листвы, осветив своими серебряными лучами их лица.

Тувия из Птарса увидела незнакомца в форме Дузара. Теперь она испугалась, но, увы, слишком поздно!

Не успела Тувия вскрикнуть, как грубые и сильные руки схватили ее. Тяжелый шелковый шарф обвил голову. Ее подняли и перенесли на палубу корабля. Зашумели пропеллеры, она почувствовала движение воздуха вокруг тела, издали слышалась безмятежная переключка дозорных.

В южном направлении, к Гелиуму, понеслось еще одно судно. В его кабине высокий стройный человек склонился над мягкой подошвой перевернутой сандали. Точными инструментами он измерил слабый отпечаток маленького предмета. На подошве перед ним вырисовывался ключ, и теперь он видел результаты своих измерений. Улыбка замерла у него на лице, когда он закончил работу и повернулся к человеку, ожидавшему на противоположной стороне стола.

– Этот человек – гений, – заметил он. – Только гений мог придумать такой замок, рассчитанный на автоматическое защелкивание. Вот, возьми набросок ключа, Ларон, и употреби все свое умение и мастерство, чтобы выполнить его из металла.

Воин-ремесленник поклонился.

– Человек не может создать то, чего нельзя разрушить, – сказал он и покинул кабину, унося чертеж ключа.

С приходом рассвета над величественными башнями, обозначавшими два города-близнеца Гелиума – алая башня – один и желтая башня – другой – с севера показался медленно приближающийся корабль.

На его борту были опознавательные знаки менее знатного и отдаленного города Гелиума. Медленное приближение корабля и уверенность, с которой он продвигался по направлению к городу, не вызывали подозрений у сонной стражи. Время их дежурства истекло, и они думали о приходе смены.

Мир царил над Гелиумом. Врагов у Гелиума не было. Нечего и некого бояться. Не спеша ближний воздушный корабль патруля вяло направился к чужеземцу. На расстоянии хорошей слышимости офицер приветствовал вновь появившийся корабль.

Бодрое «Каор!» и внушающее доверие объяснение о том, что владелец прибыл из отдаленной части Гелиума, чтобы развлечься в веселом городе, удовлетворило стражу.

Лодка воздушного патруля удалилась и легла на прежний курс. Незнакомец приблизился к общественной посадочной площадке, приземлился и приготовился отправиться на отдых.

В этот момент воин-ремесленник вошел в кабину.

– Все готово, Рас Кор, – сказал он, протягивая маленький металлический ключ высокому знатному господину, поднявшемуся с шелков и мехов.

– Отлично! – воскликнул последний. – Ты, должно быть, работал над ним всю ночь, Ларон? – Воин кивнул головой.

– А сейчас принеси мне металл Гелиума, который ты обработал несколько дней тому назад, – приказал Рас Кор.

Выполнив поручение, воин помог своему хозяину заменить красивый блестящий металл на его одежде на более простой орнамент рядового воина Гелиума, и, разумеется, различия и цвета этого дома появились и на борту судна. Рас Кор позавтракал. Затем он появился на воздушной пристани, вошел в лифт и быстро опустился на расположенную внизу улицу, где его вскоре поглотила утренняя толпа рабочих, спешащих выполнять свои ежедневные обязанности.

В толпе его одежда была не более приметна, чем брюки на Бродвее. Все люди Марса – воины, за исключением тех, кто физически не в состоянии носить оружие. Торговец и его служащие звенят доспехами, занимаясь своей работой. Школьник, входящий в самостоятельную жизнь, вырываясь из белоснежной оболочки, окружавшей его в течение многих лет, почти зрелым человеком, знает мало о жизни, но без меча на боку он чувствует такое же неудобство, выезжая за пределы города, какое чувствует любой мальчишка на Земле, выйдя на улицу без штанов.

Путь Рас Кора лежал в Большой Гелиум, который находился в семидесяти пяти милях от Малого. Рас Кор приземлился в Малом Гелиуме, так как воздушный патруль здесь менее подозрителен и бдителен, чем патруль над столицей, где находится дворец самого джеддака.

В то время как он двигался по глубокому ущелью, похожему на парк – главной артерии города, – жизнь просыпающегося марсианского города открывалась перед ним. Дома, высоко поднятые на ночь на тонкие металлические колонны, мягко опускались на землю. Среди цветов на алых газонах, окружавших здания, играли миловидные дети, они смеялись и болтали, отбирая великолепные бутоны для своих ваз.

Приятное барсумское приветствие «Каор!» то и дело доносилось до ушей незнакомца, когда друзья и соседи, просыпаясь, принимались за дела нового дня.

Район, в который он стремился, состоял из жилых домов – здесь был жилой массив, в котором селились наиболее преуспевающие купцы. Везде бросались в глаза признаки благосостояния и даже роскоши. На крышах появились рабы с великолепными шелками и богатыми мехами, раскладывая их на солнце для проветривания. Украшенные драгоценностями женщины сидели, развалившись на резных балконах перед своими спальнями, несмотря на такой ранний час. Позже они отправятся на крыши, когда рабы устроят им там ложе и установят шелковые балдахины, чтобы защититься от солнца.

Звуки вдохновляющей музыки доносились из открытых окон, – так жители Марса решили проблему безболезненного перехода от состояния сна к пробуждению, что представляет такую трудность для женщин.

Над ними мчались длинные и легкие пассажирские суда, – каждое своим курсом – между многочисленными площадками внутренних пассажирских линий.

Посадочные площадки, расположенные выше, предназначались для больших международных пассажирских лайнеров. Грузовые суда имели свои посадочные площадки, находящиеся на более низком уровне, в паре сотен футов от земли; ни один из кораблей не осмелится опуститься или подняться с одного уровня на другой, за исключением определенных районов, где горизонтальное движение запрещено.

Вдоль коротко постриженных газонов, покрывавших главную улицу, корабли бесконечным потоком двигались в обоих направлениях. Они большей частью неслись над поверхностью земли, легко поднимались ввысь в моменты обгона медленнее двигающихся впереди или на перекрестках, где суда, направляющиеся в южном и северном направлениях, придерживаются правой стороны, а восточном и западном должны подниматься над ними.

Из частных ангаров, расположенных на многих крышах, корабли устремлялись к двигавшемуся потоку. Веселые слова прощания и последние предостережения смешивались с почти неслышными шумами моторов и приглушенными звуками города.

Однако, несмотря на бесконечное движение бесчисленного множества кораблей, летящих туда и обратно, преобладающим достоинством Гелиума являлась необыкновенная для такого большого города тишина.

Марсиане терпеть не могут резких и неожиданных шумов. Единственный громкий шум, который они переносят, – это шум войны: лязг оружия, столкновение двух могущественных и бесстрашных смельчаков в воздухе. Для них нет приятней музыки, чем музыка боя.

На перекрестке двух широких проспектов Рас Кор спустился на одной из огромных воздушных станций города. Здесь он оплатил в маленьком окошке стоимость своей поездки парой овальных тусклых монет Гелиума.

Следом за привратником он подошел к медленно передвигающейся ленте, на которой располагались предметы, похожие, на взгляд землянина, на конусообразные снаряды какого-то гигантского орудия. Медленной процессией двигались они по желобу. Полдюжины служащих помогали пассажирам войти в них или направляли эти своеобразные вагончики в нужном направлении.

Рас Кор приблизился к одному из них, который был свободен. На носу вагона находился циферблат и указатель. Пассажир установил указатель на определенную станцию в Большом Гелиуме, поднял сводчатую крышку, вошел и лег на оббитое чем-то мягким дно. Служащий закрыл крышку, которая захлопнулась с легким щелчком, и вагончик медленно продолжил свое движение.

Спустя некоторое время вагон автоматически переводят на другую линию, чтобы войти в систему подземных коридоров-труб.

В тот момент, когда он оказался в темном отверстии, он внезапно поднялся вверх и рванулся вперед со скоростью ружейной пули. Затем что-то засвистело, последовала легкая, хотя и неожиданная остановка – и вагончик появился у другой платформы, и другой служащий открыл люк. Рас Кор вышел на станции, находящейся под Большим Гелиумом в семи-десяти пяти милях от точки, в которой он лег в этот вагон.

Здесь он поднялся лифтом на уровень улицы и быстро вошел в ожидавшее наземное судно. Он не сказал ни слова рабу, сидевшему на месте водителя. Было очевидно, что этот человек получил инструкции до его появления.

Едва Рас Кор занял свое место, как судно быстро устремилось к движущейся веренице других судов, избегая широкие и переполненные улицы, выбирая пустынные. Вскоре оживленный район остался позади, и они очутились там, где располагались маленькие магазины. Корабль остановился перед входом в один из них, на дверях которого висел знак торговца иностранными шелками.

Рас Кор вошел в комнату с низким потолком; человек в дальнем углу жестом указал ему на внутренние покои, ничем больше не показывая, что знает Рас Кора, пока сам не вошел за вновь прибывшим и не закрыл дверь. Затем он повернулся к гостю, почтительно его приветствуя:

– Знатнейший... – начал он, но Рас Кор жестом заставил его замолчать.

– Никаких формальностей, – сказал он. – Мы должны забыть, кто я, и помнить, что я твой раб. Все должно быть выполнено так же тщательно, как было задумано, – мы не можем терять времени. Нам следует уже находиться на пути к рынку рабов. Ты готов?

Купец кивнул головой и, повернувшись к большому сундуку, достал из него скромную одежду раба. Рас Кор немедленно надел ее. Затем оба вышли из магазина через заднюю дверь, пересекли аллею и оказались на проспекте, где и сели на ожидавший их мобиль.

Пятью минутами позже купец вел своего раба на общественный рынок, где огромная толпа людей заполнила обширную площадку, в центре которой стоял помост.

Толпа стояла в этот день огромная, так как Карторис, принц Гелиума, должен был выступить как основной покупатель.

Один за другим поднимались рабовладельцы на трибуну у возвышения, на котором стояли принадлежавшие им рабы. Коротко и ясно каждый из них рассказывал о достоинствах тех рабов, которых он предлагал для продажи.

Когда все было закончено, управляющий принца вызвал на возвышение тех, кто ему понравился, и предложил цену.

Последовал короткий разговор о цене. Среди вновь вошедших на площадку был и Рас Кор. Его хозяин-купец согласился на первую же предложенную ему сумму, и, таким образом, знатное лицо Дузара стало членом дома Карториса.

3. Предательство

На следующий день после того, как Рас Кор оказался во дворце принца Гелиума, в городах-близнецах царило молчание, достигшее наивысшей точки во дворце Карториса. Пришла весть о похищении Тувии из Птарса из дворца ее отца. И как будто принц Гелиума подозревается в том, что знает об этом событии и о том, где находится принцесса.

В зале для советов Джона Картера, военачальника Марса, были: Морс Каяк, его сын и джед Малого Гелиума; Карторис и десять великих и знатных людей страны.

– Между Птарсом и Гелиумом не должно быть войны, сын мой, – сказал Джон Картер. – Твою непричастность к делу, в котором тебя обвиняют, основываясь на слухах, мы хорошо знаем, но Туван Дин тоже должен это знать. Есть один человек, способный убедить его, – это ты сам. Ты должен сейчас же спешить в Птарс и своим присутствием доказать Туван Дину, что его подозрения безосновательны. Да поможет тебе авторитет военачальника Барсума и джеддака Гелиума получить в поддержку все силы союзных государств, чтобы помочь Туван Дину найти свою дочь и наказать похитителей, кто бы они ни были. Иди! Я знаю, что тебя не надо заставлять спешить.

Карторис покинул зал заседаний и поспешил к себе во дворец.

Здесь слуги были заняты приготовлением к отъезду хозяина. Некоторые копались у быстроходного корабля, который должен был доставить принца Гелиума в Птарс.

Наконец все было готово. Два вооруженных раба остались на страже. Заходящее солнце висело низко над головой, скоро все погрузится в темноту.

Один из стражников, громадный человек, правую щеку которого пересекал от виска ко рту тонкий шрам, приблизился к своему товарищу. Взгляд его был устремлен на спину воина. Подойдя достаточно близко, он заговорил:

– Что за странный корабль? – спросил он.

Второй быстро повернулся, чтобы посмотреть в небо. Едва он повернулся спиной к великану, как короткий меч погрузился под левую лопатку, прямо в сердце доверчивого воина.

Солдат без звука упал замертво. Убийца быстро оттащил труп в черную тень внутри ангара. Затем он вернулся к кораблю.

Достав из кармана хитро сделанный ключ, он сдвинул крышку с правого циферблата компаса – контролера направления. Некоторое время он изучал конструкцию механизма. Затем вернул циферблат на свое место, установил указатель и сдвинул его еще раз, чтобы заметить происшедшие изменения в расположении его частей. Улыбка пробежала по его губам.

Он перерезал провод, тянувшийся к циферблату от наружного указателя, – теперь последний можно было ставить на любое направление, но это не оказывало на механизм никакого действия, иными словами, циферблат для южного полушария был теперь бесполезен.

Далее он обратил свое внимание на восточный циферблат и установил его на определенную точку. Затем сдвинул и его крышку и острым инструментом перерезал металлический стержень, идущий с внутренней стороны указателя.

Быстро, насколько это было возможно, он установил на место крышку второго циферблата и занял свое место в карауле. На внешней стороне циферблата ничего не было заметно, но в действительности движение указателей не приводило в движение механизм, расположенный под ним, и прибор оставался неподвижен, установленный на место назначения, выбранном рабом.

Вскоре пришел Карторис, сопровождаемый группой придворных. Он бросил мимолетный взгляд на раба, стоявшего в карауле. Тонкие жесткие губы воина и шрам, пересекавший щеку от виска ко рту, всколыхнули в нем неприятные воспоминания. Он удивился, где Саран Тал мог найти такого человека для охраны, но моментально забыл об этом, и уже в следующее мгновение принц Гелиума смеялся и болтал со своими провожатыми, хотя в душе мучился, опасаясь тех случайностей, которые могут ожидать Тувия из Птарса и о которых они ничего не могли знать, а тем более предвидеть их.

Первой, естественно, к нему пришла мысль о том, что прекрасную деву Марса похитил Асток из Дузара, но почти одновременно с вестью о похищении принцессы до них дошла весть о больших празднествах в Дузаре, устроенных в честь возвращения сына джедака ко двору своего отца.

«Это не мог быть Асток, – думал Карторис, – так как в ночь похищения Тувии Асток был в Дузаре, и все же это очень подозрительно».

Он взошел на корабль, обмениваясь случайными репликами с провожающими, открыл ключом механизм компаса и установил указатель на столицу Птарса.

Со словами прощания он нажал кнопку, контролирующую поступление отталкивающих лучей, и корабль легко поднялся в воздух, заработал мотор в ответ на прикосновение ко второй кнопке, зашумели пропеллеры, и корабль Карториса, принца Гелиума, устремился в величественную марсианскую ночь под движущимися лунами и миллионами звезд.

Не успел он набрать скорость, как Карторис, завернувшись в шелка и меха, вытянулся во весь рост на палубе судна.

Но сон не шел к нему. Мысли взбунтовались, отгоняя сон. Он воскрешал в памяти слова Тувии из Птарса, слова, наполовину уверившие его в ее любви, так как, когда он спросил, любит ли она Кулан Тита, Тувия лишь сказала, что обещана ему. Этот уклончивый ответ давал ему надежду, но какую – он сам еще не знал.

Теперь он понял, что ее слова можно истолковать по-разному. Они, конечно, могли означать, что Тувия не любит Кулан Тита, и можно было предположить, что она любит другого.

Но кто мог гарантировать, что тем, другим, был Карторис из Гелиума?

Чем больше он думал об этом, тем более убеждался, что ни ее слова, ни ее поступок не давали ему уверенности в ее любви. Она любит другого! Ее не похитили – она бежала по своей воле вместе с любимым.

С такими «приятными» мыслями, наполняющими его то отчаянием, то жаждой мести, Карторис наконец погрузился в сон после полного умственного истощения и нервного потрясения.

Внезапный рассвет застал Карториса все еще спящим. Его судно бесшумно проносилось над бесплодной коричневатой-желтой равниной – старым, как мир, дном уже мертвого марсианского моря.

Вдалеке поднимались невысокие холмы. Когда судно приблизилось к ним, с его палубы можно было увидеть большой мол, простирившийся там, где когда-то был могучий океан, и огораживавший обмелевшую гавань забытого города, который все еще тянулся от пустынных набережных внушительной громадой чудесных архитектурных сооружений давно умершего прошлого.

Бесчисленные мрачные проемы окон, бессмысленные и одинокие, уставились невидящим взором из мраморных стен. Весь этот печальный город имел вид рассыпанных на могильных холмах мертвых, отбеленных солнцем человеческих черепов: окна были похожи на пустые глазницы, а порталы – на оскаленные в усмешке пасти чудовищных животных.

Все ближе и ближе забытый город. Скорость корабля уменьшалась. Это был не Птарс!

Над центральной площадью судно стало медленно опускаться на поверхность Марса. В сотне ярдов от поверхности оно остановилось, паря в сухом воздухе пустыни, и в то же мгновение сигнал тревоги прозвучал над ухом спящего.

Карторис вскочил на ноги. Он ожидал увидеть под собой оживленную столицу Птарса. Около него должен был находиться воздушный патруль.

Он оглянулся вокруг в недоумении. Под ним действительно лежал большой город, но это был не Птарс. Не было видно взволнованной толпы на широких проспектах. Ни один живой звук не нарушал мертвой тишины пустынных крыш. Ни великолепные шелка, ни бесценные меха не придавали жизни холодному мрамору и блестящему эрепту.

Ни одной патрульной лодки не было поблизости, никто его не приветствовал. Молчаливый и безлюдный, лежал перед ним большой город, таким же молчаливым был и окружающий его воздух. Что же случилось?

Карторис проверил циферблат своего компаса. Циферблат был установлен на Птарс. Неужели его же изобретение могло его же подвести? В это он ни за что не мог поверить!

Он быстро открыл крышку, откинув ее на петлях. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, в чем дело – стальной провод, соединяющий указатель на циферблате с механизмом под ним, был перерезан.

Кто мог это сделать и зачем?

Карторис не отважился сделать даже малейшего предположения. Теперь перед ним стояла задача: определить в какой части планеты он находится, и затем возобновить прерванное путешествие.

Если целью какого-то врага было задержать его, то он преуспел в этом, думал Карторис, открывая крышку второго циферблата, так как первый указатель, как выяснилось, вообще не был установлен.

Под вторым циферблатом, как и под первым, он нашел перерезанный провод, но механизм управления вначале установлен был на точку в западном направлении.

Он грубо прикинул свое местонахождение: приблизительно к юго-западу от Гелиума. Он находился на значительном расстоянии от городов – близнецов... И тут женский крик заставил его вздрогнуть.

Перегнувшись через борт корабля, он увидел красную женщину, которую тащил через площадь громадный зеленый воин – один из тех свирепых и жестоких обитателей мертвого морского дна в пустынных городах умирающего Марса.

Карторис не медлил ни минуты. Дотронувшись до пульта управления, он послал свой корабль, как камень, к земле.

Зеленый человек спешил со своей ношей к огромному тоту, пасшемся на великолепной ярко-красной площади, покрытой чахлой растительностью. В это же время дюжина красных воинов выскочила из входа расположенного по близости дворца, преследуя похитителя с обнаженными мечами и криками гнева.

Женщина подняла лицо вверх к падающему кораблю, и на короткий миг Карторис увидел лицо Тувии из Птарса.

4. Пленница зеленого человека

Когда дневной свет упал на палубу маленького корабля, куда принцессу Птарса перенесли из сада ее отца, Тувия увидела, что за ночь во внешнем облике ее похитителей произошли изменения.

Их доспехи не блестели, как доспехи Дузара: вместо них воины были облачены в доспехи со знаками различия принца Гелиума.

Девушка вновь почувствовала надежду, но она не могла и подумать, что Карторис мог причинить ей неприятности.

Она заговорила с воином, сидевшим на корточках перед пультом управления.

– Прошлой ночью на вас была форма воинов Дузара, – спросила она. – Сейчас – воинов Гелиума. Что это значит?

Человек посмотрел на нее с усмешкой.

– Принц Гелиума не глуп, – сказал он.

В этот момент из крошечной кабины появился офицер. Он сделал замечание воину за разговоры с пленницей, сам же он не ответил ни на один ее вопрос.

Никто не причинил ей вреда во время путешествия, и когда они наконец достигли места назначения, девушка по-прежнему не знала, кто ее похитители и какая у них цель.

Но вот корабль медленно опустился на главную площадь одного из безмолвных памятников марсианского забытого прошлого – пустынного города, окруженного печальными, с редкой растительностью, бывшими морскими пространствами, по которым когда-то катились могучие волны и проплывали морские торговые суда людей, ушедших навсегда.

Для Тувии из Птарса такие места были знакомы. Во время путешествия в поисках реки Исс, когда она намеревалась совершить то, что многие века называлось последним долгим паломничеством марсиан в долину Дор, где лежало мертвое озеро Корус, она сталкивалась несколько раз с этими печальными воспоминаниями величия и славы старого Барсума.

А во время ее полета от соборов Холи Терис с Тарс Таркасом, джедаком Тарка, она увидела их таинственных обитателей – больших белых обезьян.

Она знала и то, что многие из покинутых городов используются кочевыми племенами зеленых людей, но что среди них не было города, которого не избегал бы красный человек, так как все они без исключения находились среди обширных безводных пространств, не подходящих для продолжительного существования представителей преобладающей расы марсиан.

Зачем же им привозить ее в такое место? На этот вопрос был один ответ: такова была природа их занятий, им нужно было уединение, которое давал мертвый город. Девушка вздрогнула при мысли о том, в каком положении она оказалась.

Уже два дня люди, захватившие ее в плен, держали Тувию в огромном дворце, который, даже будучи разрушенным, отражал величие прошедших веков.

На третий день ранним утром она была разбужена голосами двух ее похитителей.

– Он должен быть здесь к рассвету, – говорил один, – держи ее в готовности на площади – иначе он никогда не приземлится. В тот момент, когда он поймет, что находится в чужой стране, он сразу же повернет назад – я думаю, что план принца слаб в этом месте.

– Не было другого выхода, – ответил другой.

– Это удивительное дело – оба они будут здесь, и если даже нам не удастся заставить его приземлиться, мы и так многого достигнем.

В эту минуту говорящий поймал на себе взгляд Тувии, лицо которой на миг осветило движущимся лучом от ближней луны.

Поспешно он сделал знак своему собеседнику, прекратил разговор и, подойдя к девушке, жестом приказал ей встать. Затем он вывел ее в ночь к центру большой площади.

– Стой здесь, – приказал он, – до тех пор, пока мы не придем за тобой. Мы будем наблюдать, и если ты попытаешься бежать, тебе придется худо – хуже, чем если бы ты умерла. Таков приказ принца.

Затем он повернулся и направился обратно ко дворцу, оставив ее одну среди невидимых ужасов, в месте, которое, по поверью марсиан, посещалось белыми обезьянами. Некоторые еще придерживались старого суеверия, которое гласит, что духи Холи Терис – людей, умерших более тысячи лет назад, – переходят в тела больших белых обезьян.

Тувии грозила опасность нападения одного из этих свирепых человекоподобных животных. Она больше не верила в переселение таинственной души, как учили ее жрецы до ее спасения из их лап Джоном Картером; но она хорошо знала ужасную судьбу, которая ожидала ее, заметь ее хоть одно из этих ужасных животных во время ночного пребывания на площади.

Но что это?

Конечно же она не могла ошибиться. Кто-то тихонько зашевелился в тени одного из домов-монолитов, выстроившихся в ряд на проспекте в том месте, где дом окнами выходил на площадь.

Тар Ван, джед в ордах Торказа, медленно ехал к руинам Древнего Аантора по мертвому морскому дну, покрытому бледной желто-коричневой растительностью.

Он ехал этой ночью долго и быстро, так как возвращался после ограбления и разрушения инкубатора соседнего племени зеленых людей, которые постоянно были в состоянии войны с ордами Торказа.

Его гигантский тот был еще не измучен, и все же было бы хорошо, думал Тар Ван, дать ему попасть на бледно-желтом мхе, растущем здесь, возле стен пустынного города, где почва богаче, чем на морском дне, и растения хорошо разрастаются под лучами безоблачного марсианского дня.

В крошечных корешках этого, кажущегося сухим, растения, достаточно влаги для того, чтобы утолить потребность в питье громадных тел могучих тоттов, которые могут существовать в течение месяцев без воды и многие дни даже без того количества влаги, которое содержится в бледно-коричневом мхе.

В то время как Тар Ван бесшумно ехал по пустынному проспекту, ведущему от набережных Аантора к большой центральной площади, его и тот можно было принять за привидения из мира снов, так нелепо выглядели человек и животное, так бесшумно шагали большой тот, ступая ногами без копыт по покрытому мхом тротуару древней мостовой.

Человек был замечательным представителем своей расы: ростом он был с полных пятнадцати футов. Его лоснящаяся зеленая шкура блестела при свете луны, которая освещала его доспехи, искрилась в драгоценных камнях тяжелого снаряжения, оттягивавшего четыре мускулистые руки. Загнутые вверх клыки торчали из нижней челюсти и мерцали бледно и угрожающе.

На боку его тот висело длинное ружье, действующее при помощи радия, и большое, оббитое металлом копьё. А в дополнение к этому, висели длинный и короткий мечи и другая мелкая амуниция.

Его выпуклые глаза и антенноподобные уши постоянно поворачивались в различных направлениях, так как Тар Ван был все еще в стране врагов и постоянно сохранялась угроза нападения больших белых обезьян, которые, как обычно говорил Джон Картер, являются единственными созданиями, способными вызвать в душе этих свирепых обитателей мертвых морей хотя бы некоторую видимость страха.

Приблизившись к площади, он вдруг сдержал тот. Его тонкие цилиндрические уши застыли, направленные вперед. Он услышал необычный звук. Голоса! И там, откуда доносились голоса, за пределами видимости, тоже были враги Тар Вана. На большом Барсуме для свирепых обитателей Торказа все были врагами.

Тар Ван спешил. Держась в тени больших зданий, выстроенных вдоль улиц Аантора, он приблизился к площади. Прямо позади него, как собака на поводке, шел серо-голубой тот, на его белый живот падала тень от туловища, ярко-желтые ноги погружались в пышный мох.

В центре площади Тар Ван увидел фигуру красивой женщины. С ней разговаривал красный воин. Но вот человек повернулся и направился ко дворцу на противоположной стороне площади.

Тар Ван наблюдал, пока тот не скрылся. Вот пленница, которую следует захватить! Редко попадала сюда женщина бесчисленных врагов зеленого человека. Тар Ван облизал тонкие губы.

Тувия из Птарса наблюдала за тенью на монолите в начале проспекта на противоположной стороне. Она надеялась, что это только плод ее воображения.

Но нет! Теперь ясно и четко Тувия видела, как тень движется. Она вышла из-за укрытия колонны из эрепта.

Внезапно появившееся солнце осветило Тар Вана. Девушка вздрогнула: перед ней был огромный зеленый воин!

Он быстро прыгнул к ней. Девушка закричала и попыталась спастись бегством, но едва она повернулась по направлению к дворцу, как гигантская рука схватила ее руку. Тувия была в смятении, ее дотащили до огромного тот, медленно бредущего к площади, поросшей бледно-зеленым мхом.

В это мгновение она посмотрела вверх, привлеченная шумом мотора, и увидела быстро приближающийся корабль, голова и плечи человека были в тени, и она не могла рассмотреть его лица.

Теперь позади нее раздавались крики ее красных похитителей. Они с бешеной скоростью неслись за человеком, укравшим у них то, что они окончательно присвоили и считали своим.

Как только Тар Ван достиг своего тот, он выхватил из чехла длинное ружье, заряженное радием, и, обернувшись, выстрелил три раза в приближающихся красных людей.

Умение этих марсианских дикарей метко стрелять таково, что три красных воина свалились замертво, когда три заряда разорвались в их внутренностях. Остальные остановились; они не решались вести ответный огонь из боязни ранить девушку.

Затем Тар Ван забрался на спину своего тот, все еще держа Тувия в руках, и с диким криком торжества исчез в темном каньоне проспекта между мрачных дворцов забытого Аантора.

Корабль Карториса еще не спустился на землю, как он уже спрыгнул с его палубы, устремившись за быстрым тотом. Длинные ноги несли его по широкой улице со скоростью экспресса, но люди из Дузара, оставшиеся в живых, не допускали и мысли о том, чтобы упустить такого ценного пленника.

Они потеряли девушку. Трудно будет все это объяснить Астоку, но если они захватят принца Гелиума, то смогут ожидать снисходительности от своего хозяина.

Поэтому трое оставшихся в живых набросились на Карториса со своими длинными мечами, крича ему: «Сдавайся!», но с таким же успехом они могли кричать луне, чтобы она прекратила свой сумасшедший полет по барсумскому небу, так как Карторис из Гелиума был настоящим сыном военачальника Марса и его жены, несравненной Деи Торис.

Длинный меч Карториса был уже у него в руках, когда он спрыгнул с палубы корабля, и поэтому в тот момент, когда он почувствовал угрозу нападения со стороны трех красных

воинов, он повернулся лицом к ним, встречая их бешеную атаку так, как это мог сделать сам Джон Картер.

Так быстр был его меч, так могучи и проворны его полужемные мускулы, что один из противников упал, окрашивая кровью бледно-коричневый мох, не успев сделать ни одного выпада в сторону Карториса.

Двое оставшихся в живых жители Дузара одновременно бросились на принца Гелиума. Три меча зазвенели и засверкали в солнечном свете, так что большие белые обезьяны, разбуженные ото сна, подползли к узким окнам мертвого города посмотреть на кровавую сцену.

Трижды касался Карториса меч противника, и красная кровь текла по лицу, ослепляя его и орошая широкую грудь. Свободной рукой он вытирал ее с глаз и с боевой улыбкой, светящейся на губах, и новой яростью бросался на врагов.

Одним прикосновением своего тяжелого меча он отрубил голову одному из них, а другой, избегая неминуемой смерти, повернулся и побежал во дворец.

Карторис не сделал и шагу для преследования. У него была более важная работа, чем вполне заслуженное наказание этих чужестранцев, надевших форму его собственного дома, так как он видел, что эти люди были искусно одеты в форму, отличавшую его личный персонал.

Быстро повернувшись к своему кораблю, он вскоре уже поднимался с площади в погоне за Тар Ваном. Красный воин, которого он обратил в бегство, повернулся у входа во дворец и, угадав намерение Карториса, схватил ружье из тех, что он и его товарищи оставили у стены, кинувшись с обнаженными мечами, чтобы помешать похищению пленницы.

Только некоторые из красных людей являются хорошими стрелками. Их основным оружием является меч, и поэтому, когда воин Дузара прицелился в поднимающийся корабль и нажал на кнопку на стволе ружья, скорее случай, чем умение помогли ему добиться некоторого успеха. Пуля слегка задела борт корабля, но темная обшивка надорвалась достаточно, чтобы пропустить дневной свет в носовую часть.

Последовал резкий взрыв. Карторис почувствовал, как корабль покачнулся под ним и остановился. Некоторое время он двигался по инерции по направлению к городу.

Красный воин на площади выстрелил еще несколько раз, но неудачно. Затем величественная башня скрыла от него движущуюся жертву.

На некотором расстоянии впереди себя Карторис мог видеть зеленого воина, уносящего Тувия из Птарса прочь на могучем тоте. Он направлялся на северо-запад от Аантора, где лежала горная страна, малоизвестная красным людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.